

А.А. Кормилаева

Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

Научный руководитель: Р.В. Разумов, кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1'373.2

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРОЗВИЩНОЙ НОМИНАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Ю. БУЙДЫ)**

Ключевые слова: *имя собственное, поэтонимосфера, антропоним, прозвище, коннотация, Ю. Буйда.*

В статье рассматриваются антропонимы, функционирующие в рассказах Юрия Буйды из сборника «Прусская невеста». На основе словообразовательных особенностей, этимологии, специфики синтаксического оформления имен собственных анализируется их влияние на формирование художественного образа, концептуального плана художественного текста. Автор выявляет основные функции прозвищной номинации с негативной и положительной коннотацией на прагматическом уровне в ономастическом пространстве художественного текста Юрия Буйды. Установлено, что антропонимы выполняют символическую, стилистическую, оценочно-характеризующую функции.

A.A. Kormilaeva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

**FUNCTIONAL POTENTIAL OF NICKNAME NOMINATION
IN THE MODERN ART TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF Y. BUIDA'S STORIES)**

Key words: *proper name, poetonymy, anthroponym, nickname, connotation, Y. Buida.*

The article considers anthroponyms functioning in the stories of Yuri Buida from the collection "Prussian Bride". On the basis of word-formation features, etymology, specifics of syntactic design of proper names their influence on the formation of the artistic image, conceptual plan of the artistic text is analyzed. The author reveals the main functions of nickname nomination with negative and positive connotation at the pragmatic level in the onomastic space of Yuri Buida's fiction text. It is established that anthroponyms perform symbolic, stylistic, evaluative and characterizing functions.

Имена собственные, обладающие этимологическим, коннотативным значениями, рассматриваются многими лингвистами как текстовые скрепы. Их интродукция в рассказы, повести, романы разной стилиевой принадлежности всегда обусловлена, по мнению Г. Ф. Ковалева, рядом факторов: сознанием писателя, значением и системностью онима, особенностями хронотопа [2, с. 11–12]. Подлинно нейтральных форм с нулевой стилистической окраской среди проприальных единиц, входящих в поэтонимосферу художественного произведения, не существует. Подтверждение данного тезиса мы находим в статье О. О. Хасановой. Лингвист отмечает: «Имя персонажа является ключом к пониманию текста, позволяет раскрыть подтекстовую информацию. В имени имплицитно отражается субъективное отношение автора к герою» [6, с. 147]. Так, антропонимы, наряду с номинативной, выполняют оценочно-характеризующую функцию. На наш взгляд, этимология, фонетическая благозвучность онима на системном и прагматическом уровнях раскрывает поведенческие, мировоззренческие особенности персонажа. Ярким выразителем смыслообразующим потенциалом обладает прозвище – «дополнительное имя, данное субъекту окружающими в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его существованию обстоятельствами» [5, с. 126–127]. Мы считаем, что прозвищная номинация в художественном тексте в большей степени характеризуется экспрессивностью, стилистической маркированностью.

В этой статье мы обратим внимание на функциональную нагрузку, словообразовательные особенности прозвищ как разновидности антропонимов в рассказах Ю. Буйды из сборника «Прусская невеста» (1998 г.). Актуальность исследования обусловлена малой изученностью современной русской прозы, оригинальным творческим методом конкретного писателя.

На наш взгляд, для хронотопа произведений Ю. Буйды характерна актуализация бинарной оппозиции «дисгармоничная реальность – идеальное инобытие». Персонажи рассказов из сборника «Прусская невеста» вынуждены жить в атмосфере утраты нравственных ориентиров, духовности. Современные литературоведы отмечают: «Герои, чье существование замкнуто узкими рамками грубой реальности, представлены как романтические чудаки с детски-наивным взглядом на мир, интуитивно стремящиеся к иным формам существования» [4, с. 572]. Действительно, нередко спасение от жестокости окружающего мира персонажи Ю. Буйды находят в бегстве в мир грез, снов.

В рассказах «Ванда Банда», «Фаня», «Фарфоровые ноги», «Химич», «Ева Ева» нами отмечены следующие модели прозвищной номинации второстепенных и главных героев:

- 1) множественные прозвища с формантом -их-: *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха*;
- 2) онимизация апеллиатива: *Скарлатина, Свирина Ивановна, Фигура, Банда*;

3) единичные прозвища, связанные с прецедентными онимами: *Беликов*, *Человек в футляре*, *Ева*.

Множественные прозвища, которые теоретически могут принадлежать нескольким носителям, наделенным соответствующим набором характерных черт, встречаются в произведениях «Ванда Банда» и «Фарфоровые ноги». С точки зрения синтаксического оформления, антропони́мы *Буяниха*, *Тарзаниха*, *Граммофониха* являются простыми, так как состоят из одного слова. На прагматическом уровне эти прозвища обладают негативными коннотациями за счет общего словообразовательного форманта – суффикса *-их-*. В русском языке он используется для образования имен существительных со значением ‘самка животного’. Мы считаем, что прозвища *Буяниха*, *Тарзаниха*, *Граммофониха* выполняют не только оценочно-характеризующую, но и символическую функцию, связанную с раскрытием идейно-тематического своеобразия рассказов. Антропони́мы указывают на посредственность мышления глупость, узость кругозора обывателей. Например, в рассказе «Ванда Банда» *Буяниха*, работающая в парикмахерской, сначала предлагает наивной главной героине назвать домашнего кота Чертом, а потом искаженно истолковывает сущность любви: «*Это что-то вроде уродства, – объяснила Буяниха. – То, без чего ты не можешь обойтись, хотя и хотела бы. Ну, скажем, горб у красавицы*» [1, с. 90]. Ю. Буйда в этой фразе подчеркивает духовную неразвитость, неспособность *Буянихи* понять переживания ближнего. Мы предполагаем, что источником возникновения данного прозвища являются поведенческие особенности его носителя. Антропоним *Буяниха* образован от глагола с разговорной окраской *буянить* со значением ‘буйствовать, скандалить’ [3, с. 43]. Грубость, невоспитанность, язвительность героини проявляется в эпизоде бракосочетания *Ванды Банды* с ее возлюбленным. *Буяниха* позволяет себе насмеяться над счастьем молодоженов, цинично обращая внимание только на выдающиеся внешние данные центрального женского персонажа: «*Ей бы коня в мужья, – проворчала Буяниха. – Первый раз в жизни вижу лошадь, которая выходит замуж за сено*» [1, с. 94]. Похожим образом реагирует на известие о том, что «вчерашней замарашке» Лизе Столетовой достался предмет обожания всех женщин в городе – фарфоровые туфли – героиня другого рассказа по прозвищу *Граммофониха*. Антропоним семантически связан с однокоренным апеллятивом *граммофон*, что позволяет сделать вывод об обусловленности онима вызывающим поведением персонажа. Ю. Буйда в рассказе «Фарфоровые ноги» указывает на косность мышления *Граммофонихи*, которая искренне не понимает, что секрет Лизы Столетовой заключается не в молодости, удачливости, а в душевной красоте: «*Эх, если б мне было восемнадцать! – вздохнула Граммофониха. – Я б тоже... Но что тоже – не сказала*» [1, с. 57]. Отметим, что прозвище *Тарзаниха*, номинирующее героиню произведения «Ванда Банда», обладает иронической подсветкой. Ю. Буйда объясняет причину появления данного онима поведенческими особенностями персонажа.

Героиня предстает замкнутой, нелюдистой: «У немой **Тарзанихи**, получившей прозвище после смерти мужа, когда она принялась раз-другой в месяц забираться на дерево во дворе, чтобы побыть в одиночестве...» [1, с. 89]. Таким образом, множественные прозвища *Буяниха*, *Тарзаниха*, *Граммофониха* можно приравнять к способам создания собирательного образа жителей провинциального городка, охваченных завистью.

Мы обратили внимание, что в рассказах Ю. Буйды из сборника «Прусская невеста» большое количество прозвищ образовано путем онимизации апеллятивов, нередко с негативной коннотацией. Источником возникновения подобных онимов оказываются внешние данные, физические возможности их носителей. Например, в рассказе «Фарфоровые ноги» мотив номинации продавщицы в овощном магазине указан автором: «**Фигура**, обязанная прозвищем своей совершенно кубической фигуре с кубической грудью и кубическими же ногами, а также тому, что переводила магазинные овощи, картошку да морковь, вырезая из них забавные фигурки» [1, с. 55]. Лексические повторы, эпитеты подчеркивают грузность героини. Антропоним *Скарлатина*, помещенный в поэтонимосферу произведения «Фаня», связан с однокоренным нарицательным существительным, обозначающим инфекционное острое заболевание горла. Мы предполагаем, что семантическая мотивированность этого прозвища объясняется грубым поведением героини, её язвительностью, черствостью. Скарлатина не в состоянии порадоваться за исстрадавшуюся после смерти детей подругу Фаину, когда та выходит замуж во второй раз: «Он же слепой, – сказала **Скарлатина**. – И моложе ее на двадцать два года» [1, с. 434]. В данный рассказ Ю. Буйда вводит прозвище *Свинина Ивановна*, номинирующее «знаменитую на всю округу сводню и знахарку» [1, с. 434]. Этот антропоним восходит к нарицательному существительному *свинья*, в переносном смысле обозначающему человека, который поступает низко, подло. Кроме того, во многих культурах это животное считается нечистым. Прозвище *Свинина Ивановна* позволяет ярче раскрыть авторские интенции. Ю. Буйда осуждает род деятельности этой героини, ее уподобление животной натуре. Оним создает в сознании читателя образ тяжеловесной женщины с трудным характером, что подкрепляется эпитетами «*грозная*», «*мятежная*».

В название рассказа «Ванда Банда» вынесено двухкомпонентное прозвище главной героини. В рамках стилистической классификации оно является конвергированным. Ю. Буйда отмечает: «Одноклассники вскоре поняли, что с **Вандой**, получившей прозвище **Банда**, лучше не связываться: одним ударом она валила десяток хулиганов» [1, с. 89]. Внешне пугающая «богатырская» сила становится средством защиты рано осиротевшего центрального персонажа с добрым сердцем от насмешек окружающих. На наш взгляд, прозвище *Банда* построено на приеме метонимии: разрушительное воздействие одного человека уподобляется целой группе людей, что еще раз подчеркивает силу духа Ванды, чья истинная красота скрыта под маской грубости и жестокости.

В рассказе «Химич» нами отмечены случаи появления единичных прозвищ. Они связаны с прецедентными антропонимами. Главного героя этого произведения – Сергея Сергеевича Химича – коллеги предвзято называют *Беликовым* или *Человеком в футляре* за его неуклюжесть, робость: *«Все считали его очень нерешительным человеком, а некоторые вдобавок – Человеком в футляре, вроде учителя Беликова из чеховского рассказа»* [1, с. 346]. Ю. Буйда вводит в рассказ прецедентное имя *Беликов*, тем самым создавая аллюзию на текст А. П. Чехова «Человек в футляре» (1898 г.). Смысловая перекличка состоит в сходном профессиональном статусе: персонажи обоих произведений являются учителями. Отсылка на претекст выполняет оценочную и стилистическую функцию. Ю. Буйда в завуалированной форме с помощью средств интертекстуальности создает в сознании читателя ассоциации, связанные с замкнутостью, стереотипностью мышления, осторожностью, трусостью Беликова, которые будут присутствовать и у Сергея Сергеевича. Описание поступков запуганного Химича наполнено иронией: *«Опоздать к началу урока или попасть под поезд – эту дилемму он решал ежедневно»* [1, с. 347]. «Футлярность» существования Химича отмечается также с помощью описания интерьера: *«В узкой комнате, уставленной шкафами, стеллажами и столиками, колбами, штативами...»* [1, с. 346]. Загруженность вещами ассоциируется с отсутствием уюта, спокойствия, загнанностью с определенными рамками. Сергей Сергеевич, равно как и Беликов из рассказа А. П. Чехова, становится объектом насмешек. Благодаря такому параллелизму Ю. Буйда создает прием предвосхищающей развязки: с помощью прецедентного онима читатель вспоминает о смерти персонажа из произведения «Человек в футляре», соответственно, начинает предполагать, что жизнь Химича тоже закончится трагически. Прозвище главного героя становится средством языковой и интертекстуальной игры.

В названии рассказа Ю. Буйды «Ева Ева» находит отражение редупликация прозвищного компонента имени собственного главной героини. На прагматическом уровне этот антропоним обладает положительной окраской из-за связи с прецедентным антропонимом. Согласно Ветхому Завету, данное имя принадлежит первой женщине, матери всех живущих на Земле. Мотив преображения жизни, заложенный во внутренней форме антропонима, находит отражение в сюжетной линии рассказа. Неожиданный приезд главной героини прерывает безрадостное существование жителей послевоенного города, помогает ненадолго забыть о горечи утрат, разрушениях: *«Этот исстрадавшийся, скукоженный, обгорелый городишко ожил с появлением Евы Евы. Вдруг пышно зацвели яблони и каштаны, вдруг вернулись птицы»* [1, с. 141]. В пейзажной зарисовке Ю. В. Буйда противопоставляет хаосу бытия наступившую гармонию с помощью аллюзии на райский сад (Эдем).

Таким образом, прозвищная номинация активно используется Ю. Буйдой в рассказах из сборника «Прусская невеста» и выполняет

символическую, стилистическую, оценочно-характеризующую функции. Антропонимы, образованные от апеллятивов с негативной коннотацией, актуализируют бинарную оппозицию «обывательская среда – мир мечты», становятся средством языковой игры. Прозвища *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха, Скарлатина, Свинина Ивановна* ярче раскрывают авторские интенции, помогают подсветить такие пороки жителей провинциального городка, как грубость, язвительность. Источниками возникновения большинства прозвищ из рассказов Ю. Буйды становятся поведенческие особенности или внешние данные их носителей.

Литература

1. Буйда, Ю. В. Прусская невеста / Ю. Буйда // роман в рассказах. – М.: Эксмо, 2015. – 704 с.
2. Ковалев, Г. Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике / Г. Ф. Ковалев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2017. – №3 (26). – С. 10–21.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
4. Прохорова, Т. Г. Книга новелл Юрия Буйды «Прусская невеста»: к вопросу о диалоге славянских и романо-германских литератур / Т. Г. Прохорова // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – №4. – С. 570–577.
5. Робустова, В. В. Функциональная роль прозвищной номинации в литературном произведении / В. В. Робустова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 4. – С. 126–133.
6. Хасанова, О. О. Анализ и интерпретация художественного текста (на примере рассказа Юрия Буйды «Продавец добра») / О. О. Хасанова // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Славянские чтения-2020», отв. ред. С. В. Минибаева. – Sterlitaмаk: БашГУ, 2020. – С. 145–150.

И.А. Королёва

Смоленский государственный университет
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 81.161.1

К ВОПРОСУ О СТАРЫХ ПРОЗВИЩНЫХ ИМЕНАХ НА РУСИ

Ключевые слова: *ономастика, антропонимика, прозвищное имя, семантика основы, памятники письменности.*

В статье на примере анализа старых прозвищных имён, засвидетельствованных в памятниках письменности, с приведением апеллятивной лексики из исторических словарей обращается внимание на различное толкование онимических основ. Подобные разыскания помогают определять семантику фамильных современных основ.